

Имена

Александр Лозневой

Писатель, гражданин, солдат

За свою жизнь он трижды уходил в армию

лист, член Союза писателей СССР, почётный гражданин Магнитогорска, родился в селе Большеулицком Курской губернии в крестьянской семье. Азы грамоты постигал самостоятельно, в начальную школу поступил в двенадцать лет, а в семнадцать ушёл на заработки: копал котлованы под будущие цехи Харьковского тракторного завода. В апреле 1933 года 22-летний Лозневой завербовался на Магнитострой, работал землекопом, каменщиком, плотником, токарем в основном механическом цехе. В это же время он познакомился с участниками литературной бригады «Буксир» Борисом Ручьевым, Михаилом Люгариним, Василием Макаровым, Людмилой Татьяничей и начал сотрудничать с местными газетами и журналами, где публиковал свои первые произведения.

В период с 1934 по 1937 год Александр Лозневой проходил срочную службу на Тихоокеанском флоте, заведовал отделом

культуры газеты «Боевая вахта». В 1939–1940 годах участвовал в советско-финской войне. В августе 1941 года с последнего курса Литинститута имени М. Горького, где обучался заочно, по мобилизационному плану Лозневой вновь призван в ряды РККА. Командовал стрелковым и миномётным взводами. Участвовал в боях на Курской дуге, на Днепре, Одере, в Праге, был тяжело ранен, контужен. Работал в армейских дивизионных и окружных газетах, в том числе в «Красноармейской правде» вместе с Александром Твардовским.

После войны Александр Лозневой более 20 лет служил в Советской Армии. Был военным корреспондентом в Белоруссии и на Крайнем Севере. С 1954 года жил и работал в Минске, там же вышел сборник его стихов и песен «Края мои широкие».

В 1968 году Лозневой вернулся в Магнитогорск.

«Стою у вагонного окна и жду: скоро покажется вокзал – небольшой, деревянный, с чёрной, просмоленной крышей, тот самый, что возводили тогда в холодные зимние месяцы, – делился писатель

впечатлениями после долгой разлуки с городом своей юности. – Не показался. Отжил своё. Уже и места не узнать, где стоял. Не увидел я и деревянных барачков. А сколько их было! На пятом, на одиннадцатом, на шестом участках... На тесной Ежовке! Отжили и землянки, что обступали строительство со всех сторон и почему-то назывались «шанхаями». Вглядываюсь в сотни лиц и не вижу ни одного знакомого. Где же они, бывшие грабари, плотники, монтажники? Где они, дружки-товарищи, с которыми начинал жить, смеялся и пел, делил с ними радость и горе. Будто никого и не было. И я, кажется, нахожусь не в этом, а ином, чужом городе, где никогда не бывал, и меня здесь никто не знает. Хочется набрать побольше воздуха в лёгкие и что есть сил крикнуть: нет, я свой! Это – мой город!»

Основная тема творчества Александра Лозневого – защита Отечества. Он автор 17 книг. Роман «Эдельвейсы – не только цветы», посвящён боевым действиям на Кавказе в период Великой Отечественной войны, произведение «Крепость Магнитная» рассказывает о строительстве Магнитки и героическом труде магнитогорцев в годы войны. Знакомство с культурой Чукотки и погружение в

фольклорный материал легли в основу сборника сказок «Чёрная птица», который был переведён на языки многих народов СССР, издавался за рубежом и выдержал 11 переизданий.

Александр Лозневой был не только замечательным прозаиком и баснописцем, но и талантливым поэтом-песенником. На его мелодичные стихи писали песни белорусские композиторы Владимир Оловников и Юрий Семеняка, московский композитор Александр Флярковский, магнитогорские композиторы Александр Мордухович и Александр Гардашников.

В 1998 году Александр Лозневой удостоен звания «Почётный гражданин Магнитогорска». В 2003 году по семейным обстоятельствам он переехал в Минск к дочери, где вскоре после скончался в возрасте 94 лет.

В 2010 году на фасаде дома № 18 по улице Строителей в Магнитогорске, где с 1968 по 2003 год жил и работал Александр Лозневой, по инициативе литературной общности города и городского совета ветеранов установлена мемориальная доска. В 2011 году его именем названа одна из улиц Ленинского района.

Елена Брызгалина

Поэзия

Александр Лозневой

«Из тех далёких лет...»

Дай мне вымолвить словечко

Верба к речке наклонилась,
свесив косы над водой.
Мне приснилось – я влюбилась
под вечернюю звезду.

И, волнуясь, провожала
будто парня из села.
Будто всё ему сказала,
а о главном – не смогла.

Не призналась, не решилась,
что люблю, что буду ждать.
Что ж ты, верба, наклонилась,
что задумалась опять?

Дни за днями пролетели,
будто птицы, налегке.
Соловьиные напевы
отзвенели в лозняке.

Вновь стою под старой вербой
на мосточке навесном.
Будто верю в неверность,
околдованная сном.

Разливайся, лейся, речка,
унеси мою печаль.
Дай мне вымолвить словечко,
насмотреться в синю даль.

Районный городок

Шебекино, Шебекино,
районный городок.
Запомнился навеки мне
твой заводской гудок.

Мелодия басовая,
ты в жизнь меня ввела.
И к делу приспособила,
рабочим назвала.

Свою судьбу-веревочку
я по гудку сверял
и озорной девчоночке
все тайны доверял.

Сроднился с кочегаркою
с мальчишеских времён.
И был душою жаркою
в свои края влюблён.

Цвели сады медовые,
да скоро цвет погас...
Но та струна басовая
зовёт, как в первый раз.

Вдруг зазвенит, почудится
и словно вспыхнет свет.
Как бы привет из юности,
из тех далёких лет.

Плеснёт рекой серебряной
и ввечеру замрет,
где в тишине под вербами
любовь кого-то ждёт.

И сердце вдруг замешкает
и защемит чуток.
Шебекино, Шебекино,
районный городок.

Эвкалипты и пальмы

Когда начинался наш город
под древним холмом Айдерлы,
не росли под окном осокори,
не шумели над нами боры.

А нам бы хотелось от зноя
в зелёный ступить уголок.
Растут же на юге секвойи,
а здесь хоть бы вербы листок.

Землянки лея и бараки,
мы склоны под сад отвели.
Эвкалипт посадили. А рядом
айву вперемежку с гранатом –
подарок абхазской земли.

Вцепились ростки за камень,
а нам уже снились
большие деревья.
Но грянул весенний бурян –
и саженыц будто сгорели...
Не принял их гордый Урал.

И лица парней помрачнели,
и скисли девчонки у всех на виду.
Три дня не смеялись, не пели,
по-своему приняв беду.

Лишь трогали мёртвые листья
и скорбно глядели на них.
Казалось, что запах душистый
остался в ростках неживых.

Но вскоре железные пальмы
мы в дикой степи возвели.
Плясали девчонки и парни
и счастье под ними нашли.

Дома поднимались и домны,
и первый зелёный лесок...
И дети, отчетливо помню,
рождались в намеченный срок.

Реквием

Уходят ветераны под оркестр,
как на войну когда-то уходили.
Уходят в тишину,
где тьма окрест,

где клёны
под спокойствием небес
невольно головы склонили.

Уходят ратники в небытие,
навечно в бездну якоря бросая.
Как всё,
что было гостем на земле.
Как звёзды где-то высоко
во мгле,
однажды вспыхнув, угасают.

Взывает к Богу
духовой оркестр,
незримой скорбью
в наши души льётся.
Все люди смертны –
вечных нет телес.
Лишь слава подвигов,
как зов небес,
нетленной в жизни остаётся.

Когда придут иные времена
и воссияет мир на всей планете,
навряд ли вспомнят
наши имена...
Но и тогда за наш окопный труд
нас просто мучениками назовут
двадцатого
кровавого столетья.

Прощальный вальс

В нашей школе вальсы, вальсы.
На душе весна.
Эту ночь, наверно, в танцах
проведём без сна.

И поют, и плачут скрипки
в этот поздний час.
И весёлые улыбки
окрыляют нас.

В этой школе начиналась
дружба с первых слов.
В этой школе зарождалась
первая любовь.

Мы танцуем и смеёмся:
погрустим потом.
Мы сюда ещё вернёмся,
как в родимый дом.

И опишем, и расскажем
всё учителям.
И седой, усталый завуч
улыбнётся нам.

В этой школе начиналась
дружба с первых слов.
В этой школе зарождалась
первая любовь.

Школьный сад окинем взглядом,
дворик оглядим.
И за старой тесной партой
молча посидим.

В нашей школе вальсы, вальсы...
На душе весна.
Эта ночь, наверно, в танцах
пролетит без сна.

Рабочая Магнитка

Мы на войне в окопах не бывали.
Мы у горы Магнитной
наступали.

Кипела сталь,
и ночи шли, и дни
у жарких домен,
где режут огни.
И каждый третий
был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
из нашей был брони.

Мы, как в бою,
позиций не сдавали.
Ковали мы победу на Урале.
Кипела сталь,
и ночи шли, и дни
у жарких домен,
где режут огни.
И каждый третий
был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
из нашей был брони.

Недоедали мы. Недосыпали.
А всё же не пали духом – устояли.
Кипела сталь,
и ночи шли, и дни
у жарких домен,
где режут огни.
И каждый третий
был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
из нашей был брони.

Казачья песня

По снежным равнинам,
по скатам
за взводом проносится взвод.
На запад стремится Доватор –
лишь черная бурка вразлёт.

Лишь ветер вдогонку по следу
бросает позёмкой степной.
Ещё далеко до победы,
ещё не один будет бой.

И, может, товарищам многим
придётся оставить седло.
Под конским копытом дороги
военной пургой замело.

И думает думу Доватор –
обломками в реках мосты...
Но кони казачьи крылаты,
казачьи удары круты.

Пылают родные селенья,
до неба огней языки.
Но танки уже в наступленья,
и вскинули хлопцы клинки.

И он вылетает под знамя.
Кто сдержит орлиный полёт!
Таким и остался в преданьях,
таким он в народе живёт.